

ЧЕХИЯ И ЧЕХИ В ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ОДЕССЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВВ.)

МУЗЫЧКО ОЛЕКСАНДР

The purpose of this article is a study of Czech role in history in the historical science of Odesa. First and foremost, a contribution of many Novorossiysk university professors and Odesa higher woman courses to teaching and research of Czech history, Odesa period of activity of the Czech historian Franz Režabek is considered.

Key words: Odesa; Bohemia; Ukraine; historical science; Novorossiysk university.

Один из самых больших городов Украины Одесса благодаря портовому статусу и геополитическому положению обладает значительными традициями межславянских связей. Однако сегодня ни история чешской общины города, ни этапы и особенности изучения чешских земель местными учеными не исследованы комплексно, особенно на фоне больших успехов в области историографии украинской, российской, польской и болгарской национальных общин Одессы. В этой статье поставлена цель проследить лишь один аспект темы «Чехия и Одесса» – историографический, что включает изучение и преподавание местными историками чешской истории и одесский период деятельности историка Франца Режабека – единственного из историков чешского происхождения, который в XIX – первых десятилетиях XX в. длительное время жил в Одессе. Основными источниками для написания этой статьи являются архивные и опубликованные материалы делопроизводства высших учебных заведений Одессы, работы и эпистолярия историков.

Истинным рубиконом в истории культуры Одессы стало учреждение в 1865 г. Новороссийского университета (НУ). Принимая это решение, правительство Российской империи старалось нейтрализовать укрепление позиций Австрийской империи среди южных славян в связи с учреждением Славянского университета в Загребе. Поэтому очевидно, что НУ был сразу ориентирован на углубление межславянских связей. Постоянным было присутствие в университете студентов – выходцев из западнославянских и южнославянских стран, особенно поляков.

Одним из студентов исторического отделения историко-филологического факультета в 1879 г. стал уроженец Богемии, воспитанник николаевской гимназии, Франц Вячеславович Режабек (1856–1920), который жил в Одессе вплоть до 1906 года, после чего переехал в Нежин. Несмотря на наличие нескольких справочных и одной подробной статей, парадоксальным образом Ф. Режабек даже не упомянут в главной на сегодня обобщающей работе по истории чехов на юге современного Украинского государства.¹ В 1884 г. Ф. Режабек закончил НУ с кандидатской диссертацией «Лиутпранд Кремонский и его посольство к Константинополю», которую хотел представить на получение медали, но опоздал.² В 1885–1887 гг. он находился в статусе профессорского стипендиата,

¹ ВОЛКОВА, С. А.: *Чехи на півдні України (друга половина XIX – перша третина XX століття)*. Сімферополь 2006.

² МАРКЕВИЧ, А. І.: *Двадцятилітєтє Імператорського Новоросійського університету: Історическа записка и академіческіє списки*. Одесса 1890, с. 206–207.

путешествуя по Европе в поисках архивных документов и литературы по теме. Руководителем молодого ученого был выдающийся византист Ф. И. Успенский. О довольно тесной связи между учеником и учителем свидетельствуют письма Режабека к Успенскому 1886–1909 гг. из Одессы, Киева, Праги, а потом и Нежина.³ В 1886 г. по предложению Ф. Успенского и О. Трачевского Совет историко-филологического факультета НУ единогласно решил еще на год продолжить научную командировку Ф. Режабека. Профессора отмечали, что знают его как человека крайне тщательного, полностью погруженного в научное знание, безусловно способного к работе, но очень бедного материально. Они утвердили решение о предоставлении Ф. Режабеку стипендии – единственного источника его существования.⁴ В 1887 г. Ф. Режабек успешно сдал магистерский экзамен и получил научную степень магистра общей истории. Один из вопросов на экзамене был посвящен теме «Значение Тита Ливия в римской историографии».⁵ В 1891 г. Ф. Режабек составил указатель имен и выражений для почти четырехсотстраничной книги Ф. Успенского *Очерки по истории византийской образованности*. Однако на момент защиты магистерской диссертации Ф. Режабека Ф. Успенский уже оставил Одессу, что не позволило сомкнуться финальной цепочке в процессе отношений между учителем и учеником. Впрочем, современники не забыли о статусе Ф. Режабека как представителя школы Ф. Успенского. Ученик Ф. Успенского и слушатель Ф. Режабека А. Готалов-Готтлиб, конструируя контуры этой школы, но однако не называя ее так (заметим, что вопрос о «школе Ф. Успенского» в историографии еще не конституирован), писал: «слушатели Ф. И. по Одесскому университету пошли по различным направлениям: Б. Фармаковский стал выдающимся археологом, Мандес сделался солидным специалистом в области классической филологии, Айналов и Редин приобрели известность как искусствоведы, Режабек специализировался в области истории императорского Рима, и т.д., но все они считали своим учителем Ф. И., о котором сохраняли благодарную память.»⁶

Учитывая одобрительную оценку профессоров закономерно, что осенью 1888 г. чешского историка избрали приват-доцентом кафедры общей истории НУ. С осени 1888 г. он начал читать по две лекции в неделю по истории Рима в императорский период, в осеннем полугодии 1891 г. вел спецкурс «Римская эпиграфика времени Антонинов». Положение приват-доцента в научной корпорации укрепило его избрание 24 февраля 1889 г. действительным членом Историко-Филологического общества при Новороссийском университете (ИФО). На страницах второго тома «Летописи» общества в 1892 г. были напечатаны первые его работы – обзоры (именно обзоры, ведь никакого историографического анализа он не сделал) новых работ византистов В. Васильевского и П. Безобразова.⁷

Первый период преподавания Ф. Режабека в НУ, который не отличался значительной насыщенностью, завершился в 1893 г., когда он получил двухгодичную командировку.

³ Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук, Ф. 116, Оп. 2, Спр. 307, 15 арк.

⁴ Государственный архив Одесской области (ДАОО), Ф. 45, Оп. 4, Спр. 2548.

⁵ ДАОО, Ф. 45, Оп. 4, Спр. 2549.

⁶ ГОТАЛОВ-ГОТЛИБ, А. Г.: Ф. И.: *Успенский как профессор и научный руководитель*. In: Византийский временник, Т. 1, 1947, с. 114–126.

⁷ Ф. Р. Рец. на: Васильевский В. Г. Обзорение трудов по византийской истории. Спб. 1890. In: Летопись Историко-Филологического общества при Императорском Новороссийском университете, 1892, т. II., с. 65–84; Ф. Р. Рец. на: Безобразов П. В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М. 1890. In: Летопись Историко-Филологического общества при Императорском Новороссийском университете, 1892, т. II., с. 84–96.

В поисках документов для написания магистерской работы по военной истории античных времен он посетил Прагу и Берлин. По возвращении в Одессу он поделился своими впечатлениями от посещения в Пражском университете семинаров по древней истории а во время заседания ИФО 31 октября 1895 г. фактически презентовал свою работу в докладе *К истории маркоманских войн*.⁸ В 1895 г. он издал в Одессе первую в историографии работу на эту тему, которую в следующем году защитил как диссертацию.⁹ До сих пор она остается единственной монографией по этому вопросу. Однако современники автора обошли ее вниманием. Лишь В. Бузескул упомянул о ней в своей обобщающей работе развития науки об общей истории в России.¹⁰

Второй период в научной и преподавательской карьере Ф. Режабек в Одессе (вторая половина 1890-х–1905 г.) был значительно более насыщенным. Прежде всего стали более разнообразными курсы, которые он читал студентам-историкам. Он читал лекции по общему курсу истории Западной Европы времен средневековья и спецкурсы по истории Византии: «Византия в эпоху македонской династии», «История военного устройства Византии», «Крестьяне и крестьянское землевладение в Византии». Один из спецкурсов кроме антиковедческого направления имел и региональную специфику, приближенную к интересам изучения, в частности, Одешины: «Северное Черноморье в его отношении к Римской империи в III–IV вв».¹¹ Этот курс продолжал традиции, которые заложил в НУ профессор П. Брун, а потом продолжил С. Загоровский. В общем, такие спецкурсы были неординарным явлением в НУ.

На стыке XIX–XX ст. министерство народного образования, реагируя на настойчивые просьбы профессоров, содействует повышению удельного веса семинарских занятий в учебном процессе. На основе своего пражского опыта Ф. Режабек выступил в роли не только практика, но даже теоретика этого вида занятий, который был довольно оригинальным явлением в НУ. Ф. Режабек подчеркивал, что семинары приучают молодежь к методической работе, содействуют сближению между профессорами и слушателями, ведь «путем произнесенной с кафедры лекции, как бы она ни была основательна и серьезна по содержанию и совершенна по форме, профессору едва ли возможно принести своим слушателям столько пользы, сколько могут они вывести из непосредственного общения с ним в семинарии, где пользуются свободой обмениваться с профессором мыслями и удобным случаем для получения ответа на занимаемые их вопросы».¹²

Насколько можем судить из публикации Д. Гордиенко, материалы нежинского периода работы Ф. Режабек не дают оснований для ознакомления с его манерой ведения семинаров, тем как он реализовывал свой центральноевропейский и западноевропейский университетский опыт.¹³ Тем более ценными являются два подробных отчета историка

⁸ РЕЖАБЕК, Ф. В.: *В историческом древнеримском семинарии (в Праге)*. In: Записки Императорского Новороссийского университета, 1894, т. 64, Ч. 2, с. 455–475.

⁹ РЕЖАБЕК, Ф. В.: *Маркоманские войны*. Одесса 1895.

¹⁰ БУЗЕСКУЛ, В. П.: *Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века (Материалы)*, Ч. 2. Ленинград 1931, с. 221.

¹¹ Обзорение преподавания в Императорском Новороссийском университете в 1899–1900 акад. году – Одесса, 1899, 37 с., с. 16.

¹² РЕЖАБЕК, Ф. В.: *В историческом древнеримском семинарии (в Праге)*. In: Записки Императорского Новороссийского университета, 1894, т. 64, Ч. 2, с. 455–475, с. 455–456.

¹³ ГОРДИЄНКО, Д.: *Профессор Франц Вячеславович Режабек: біоісторіографічний очерк*. In: Нежинская старина. – Вып. 2 (5). Нежин, 2006, с. 3–14.

о проведенных им семинарских занятиях в НУ в 1901–1902 и 1902–1903 учебных годах (первый из них не был опубликован).¹⁴

Ф. Режабек намечал три вида ведения семинариев: освещение какого-то специального исторического вопроса путем сопоставления и оценки всех источников и пособий; подробное изучение какого-то одного источника; общий обзор групп источников в связи с лекциями. Первые два вида он рассматривал как имеющие монографический характер, ознакамливают также с методами исследования. Однако один вопрос или источник изучаются основательно в ущерб другим. Поэтому более прагматическим он считал третий вид, который объединял историографические и источниковедческие задачи. Итак, в 1901/02 учебном году под руководством приват-доцента студенты изучали первый период средневековья Западной Европы. В зависимости от важности разным источникам посвящался разный объем времени. Документы (хроники Иеронима, Проспера Аквитанского, Беды и Эккегарда Урахского, Сальвиана, Бургундская Правда, письма Римских Пап к первым Каролингам) анализировались на предмет происхождения, общего характера и значения, сравнения с другими группами источников, перевода, историографических экскурсов, стилистических заимствований и влияний, формы, состава, степени достоверности. Хотя Ф. Режабек предлагал много тем рефератов, лишь два студента избрали темы об историографии возникновения колоната и взглядах Фюстель де Куланжа на форму землевладения у германцев. Пассивное отношение студентов преподаватель объяснил слабым знанием латинского языка. Но и среди этих двух активных студентов лишь один был в состоянии более или менее удовлетворительно осветить вопрос.

В течение следующего учебного года студенты изучали памятки анналистики – франкскую или Эдгардову летопись и Историю франков Григория Турского. Руководитель семинария предложил студентам рефераты, хотя и не в обязательном порядке. Темы студенты могли предлагать и самостоятельно. Из 11 студентов выразили желание подготовить реферат 8, но 5 из них ограничились лишь беглым обзором источников и пособий, но не подготовили письменный реферат. Студенты освещали такие темы: «Германские дружинные отношения по Тациту и их применение в римском военном устройстве», «Церковь и христианство в Галлии по Григорию Турскому», «Взаимное отношение духовной и светской власти по письмам папы Григория», «Известия Тацита о германском землевладении и их толкование в новейшей исторической литературе». Последний из названных рефератов был коллективным, то есть подготовленным сразу несколькими студентами, ведь Ф. Режабек считал, что «письменные рефераты, составляемые единичными студентами, сопряжены с тем неблагоприятным и частью неустранимым условием, что студенты, которые не разрабатывали сами темы данного реферата, не могут вообще принимать адекватного участия в его обсуждении и вследствие этого относятся к его чтению и разбору более или менее без интереса. Коллективный реферат имел целью устранить или ослабить это условие.» 6 студентов получили задачу рассмотреть свидетельство Тацита, а также ознакомиться с толкованием этих свидетельств одним из ученых: Фюстель де Куланжем, Сиботом, Вайцем, Мюлленгофом, Ковалевским. Один референт излагал основные мысли Ф. де Куланжа, другие поочередно сопоставляли его мысли с мыслями других ученых. Таким образом выяснялась общность и расхождения в мыслях, устанавливались наиболее корректные выводы. Одна из студенческих работ о жизнеописании Оттона Бамбергского, наверное на тему предложенную Ф. Режабеком,

¹⁴ ДАОО, Ф. 45, оп. 11, спр. 14 (1901); ДАОО, Ф. 45, оп. 11, спр. 5 (1903).

была представлена на получение медали. По отзыву Ф. Режабека ее автор получил почетный отзыв.¹⁵ Как и предыдущие, отзывы чешского ученого и этот отзыв сугубо обзорные, а не аналитические.

Лекции и семинары Ф. Режабека имели возможность посещать такие в дальнейшем способные, а некоторые из них и выдающиеся, историки-всемирники как П. Бицилли, И. Бондаренко, А. Готалов-Готлиб, Е. Кагаров, М. Мандес, Б. Фармаковский. Однако свидетельств о прямом влиянии Ф. Режабека на формирование их взглядов нет.

Дополнительные возможности для тесного сотрудничества со студентами и одновременно лучшего ознакомления с потенциалом библиотеки НУ Ф. Режабек имел в 1900–1905 гг. как исполняющий обязанности заведующего историко-филологическим кабинетом (ИФК), предназначенным для содействия самостоятельной работе студентов. Уже из Нежина в октябре 1906 г. Ф. Режабек благодарил декана историко-филологического факультета Е. фон Штерна за то, что он содействовал назначению Правлением 400 рублей за заведование кабинетом.¹⁶ Традиционно этим заведением заведовал один из приват-доцентов историко-филологического факультета, который должен был содействовать студентам в их поисках литературы и занятиях. Отчеты Ф. Режабека о работе вверенного ему заведения поражают своей обстоятельностью, аккуратностью и стремлением к аналитичности в систематизации статистических данных.¹⁷

В среднем библиотечное собрание ИФК каждый год пополнялось на пол сотни томов. На начало 1904 г. каталог библиотеки ИФК насчитывал 704 книги в 715 экземплярах и 1468 томах на сумму 5210 руб. 17 коп. Существовало два пути пополнения библиотеки ИФК: покупка и дарение. Причем доля закупленных изданий превышала подаренные более чем в два раза. ИФК был открыт в первой половине дня во время проведения лекционных и семинарских занятий. Большинство студентов пользовались фондами ИФК исключительно в коротких перерывах между лекциями, знакомясь с каталогом или наводя справки.¹⁸ Ф. Режабек непременно отмечал, что в среднем преобладают заказы словарной, энциклопедической и учебной литературы. Впрочем, ситуация была не такой уж и однозначной. В 1903 г. Ф. Режабек отмечал, что студенты отделения классической филологии и российской истории заказали больше монографических работ, чем общих, российской словесности и особенно общей истории – наоборот. В области славяноведения и общей литературы – заказы распределились почти поровну. Лишь в среднем общие пособия требовали больше. Работы на западноевропейских и древних языках студенты большей частью заказывали в переводах. В отчете за 1903 г. Ф. Режабек указывал на три факта отказа студентов от его предложений взять отсутствующие в русскоязычном переводе книги на языке оригинала. Этот факт иллюстрирует справедливость жалоб большинства преподавателей на низкий языковый уровень студентов факультета.

В нашем распоряжении есть лишь одно свидетельство «со стороны» о педагогических способностях Ф. Режабека – замечание 1899 г. в частном письме профессора кафедры общей истории НУ Е. М. Щепкина к П. Ардашеву. Е. Щепкин называл своего коллегу

¹⁵ РЕЖАБЕК, Ф.: *Отзыв в сочинении, представленном на соискание медали в мае 1897 г. «Свидетельства жизнеописания Оттона Бамбергского в балтийских славянах»*. In: Записки Новороссийского университета, т. 77, 1899, с. 1–10.

¹⁶ Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, Ф. V, спр. 2441.

¹⁷ ДАОО, Ф. 45, оп. 11, спр. 12 (1901); ДАОО, Ф. 45, оп. 11, спр. 12 (1902); ДАОО, Ф. 45, оп. 11, спр. 5 (1903).

¹⁸ МУЗЫЧКО, О. Е.: *Историко-филологические кабинеты в структуре высшего образования в Одессе в конце XIX – первой трети XX ст.* In: Вестник Одесского национального университета, сэр.: Библиотековедение, библиографоведение, книговедение, 2012, т. 16, вып. 1/2 (5/6) за 2011, с. 253–268.

«слабоученным» и подвергал критике за плохой русский язык чтения лекций. Очевидно, эта характеристика чрезвычайно субъективна, тем более, если учесть особенности характера Е. Щепкина, который воевал почти со всем своим окружением. К тому же, на тот момент Е. Щепкин мечтал о переходе П. Ардашева, а со временем и других москвичей в НУ и потому рассматривал чеха как их конкурента.¹⁹

Наряду с преподавательской Ф. Режабек продолжал научную деятельность, готовя докторскую диссертацию о военном устройстве Византии. Он посетил Константинополь, где содержался Российский археологический институт под руководством его учителя Ф. Успенского. Наверное, между учеными состоялась встреча. Летом 1904 г. Ф. Режабек посетил Вену и Берлин, а летом следующего года работал в Парижской Национальной библиотеке. Вследствие этих поездок появился третий текст, напечатанный ученым в Одессе во второй период своей деятельности в городе. Он был посвящен обзору литературы о военном устройстве Византии и отношений Византии и Западной империи, с более глубоким историографическим анализом.²⁰

Эта интеллектуальная скованность ярко отразилась в участии Ф. Режабека в работе ИФО, несмотря на то, что в 1897 г. он исполнял обязанности секретаря.²¹ Протоколы зафиксировали присутствие Ф. Режабека в 1898–1905 гг. на 23 заседаниях, однако он произнес лишь один доклад (28 октября 1897 г. об Оттоманском музее в Константинополе), и главное – ни разу не принял участие в обсуждении докладов коллег, что было непривычным явлением для оживленных заседаний общества. Не исключено, что это обстоятельство привело к другому неординарному факту – Ф. Режабек не стал членом Одесского общества истории и древностей, в отличие от других преподавателей-историков НУ.

Недостаточно источников, которые могли бы приоткрыть общественно-политические взгляды историка. Однако, определенные основания для соответствующих выводов может предоставить ознакомление с текстом записки Ф. Режабека к попечителю Одесского учебного округа с соображениями о реформе средних учебных заведений.²² Мысли Ф. Режабека выглядят консервативными, особенно на фоне многих других записок коллег историка, в которых те предлагали большей частью системные либеральные шаги. Вместо этого чешский автор не признавал необходимость ломки существующей системы распределения на классические и реальные заведения, делал ударение на выдающейся роли изучения истории в процессе осознания учениками необходимости самодержавной власти. Очень важным он считал изучение природоведения и физического воспитания. Сложнейшей сферой ему казалось нравственно-религиозное воспитание, ведь облик учеников зависит прежде всего от семьи, на которую действуют негативные факторы. Лишь единый реформаторский шаг казался Ф. Режабеку целесообразным: отмена системы текущих оценок. Он предлагал выставлять оценки только за полугодия, или вообще в конце учебного года без экзаменов, а в течение года ограничиваться устными замечаниями.

За недостатком соответствующих эго-источников, которые бы открывали внутренний мир историка, очень тяжело выяснить особенности его национального сознания. Даже его статья с рассказом о посещении семинариев в Праге не может четко свидетельствовать о свободном владении Ф. Режабеком чешским языком, ведь речь шла об общении

¹⁹ Российский государственный исторический архив, Ф. 889, оп. 1, спр. 191.

²⁰ РЕЖАБЕК, Ф. В.: *О разработке некоторых отделов Византийской истории (отчет в заграничной командировке летом 1904)*. In: Записки Новороссийского университета, 1905, т. 100, Ч. 2, с. 1–36.

²¹ ДАОО, Ф. 45, оп. 11, спр. 11 (1897).

²² ДАОО Ф. 42, оп. 35, спр. 1754.

с немецким профессором. В упомянутом письме Е. Щепкин упрекал Ф. Режабека за то, что он читал лекции на плохом русском языке, вероятно, имея в виду его акцент. Современники подчеркивали чешскость коллеги: Е. Щепкин саркастически называл его «вечным чехом», О. Маркевич писал о чешском происхождении. В Одессе в своих научных интересах он никоим образом не затронул историю и культуру Чехии, не заявил о себе как о чехе на общественном уровне, хотя в городе действовали чешские общественные учреждения. Наверное, это свидетельствует о русифицированной ментальности Ф. Режабека, хотя ново выявленные источники могут скорректировать это впечатление. Такое досадное для чеховедов обстоятельство в одесском сегменте биографии Ф. Режабека однако в определенной мере компенсируется педагогической, научной, а частично и общественной деятельностью других одесских научных работников, которые, хотя и не имели этнического чешского происхождения, заявляли о своем интересе к этой далекой от Одессы стране.

Основателем филологической и исторической славистики в Одессе нужно считать первого профессора кафедры славянской филологии НУ Виктора Ивановича Григоровича (1815–1876). Еще задолго до переезда в Одессу в 1840-х годах он осуществил путешествие по славянским странам, наладил контакты с выдающимися чешскими славистами Й. Шафариком и В. Ганкой. В НУ кроме сугубо языковедческих курсов он читал и исторические – славянские старобытности и историю славянских литератур на 3 и 4 курсах. В основу лекционного курса В. Григорович положил произведение П. Й. Шафарика «Славянские старобытности».²³ Студент В. Григорович А. Маркевич упоминал, что «Суд Любуши мы знали на память».²⁴ Хотя ученый больше сосредоточивался на истории южных славян, в общем контексте, особенно в вопросе о славянском возрождении, с благосклонностью упоминал и чехов. В 1871 г. В. Григорович издал в Одессе брошюру о Я. А. Коменском, первую одесскую работу по чеховедению.²⁵

Преемником В. Григоровича на кафедре славянской филологии был Александр Александрович Кочубинский (1845–1907). Начиная с конца 1860-х гг. он регулярно посещал с научными командировками славянские страны, в частности, Чехию.²⁶ В 1898 г. его избрали членом Чешской академии наук – первый и единственный случай в биографии одесских историков. Самое большое внимание в лекционных курсах А. Кочубинский уделял истории чехов и поляков. Филолого-Славистические лекции профессор читал для студентов-словесников, хотя они привлекали и историков. В 1879–1880 г. вместо курса «славянские древности» он прочитал курс «ранняя история славян», в котором старался установить истоки славянства на основе лингвистических данных. Для студентов исторического отделения А. Кочубинский по два часа в неделю читал курсы по истории северо-западных славян, южных славян, румын и мадьяр, историю западных славян.²⁷ Семинарские занятия в 1903–1904 гг. предусматривали ознакомление студентов исторического отделения с древнейшими хрониками и летописями чехов. Как историк

²³ ЛАПТЕВА, Л. П.: *История славяноведения в России в XIX веке*. М. 2005, с. 752.

²⁴ МАРКЕВИЧ, А. И.: *Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: Историческая записка и академические списки*. Одесса 1890; Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук, Ф. 116, оп. 2, спр. 307, 15 арк, с. 237–239.

²⁵ ГРИГОРЬЕВИЧ, В. И.: *И. А. Коменский*. Одесса 1871. 21 с.

²⁶ КОЧУБИНСКИЙ, А. А.: *Отчет (третий) в путешествии по славянским землям с 1 авг. 1875 г. по 1 февр. 1876 г.* In: *Записки Новороссийского университета (ЗИНУ)*. Одесса 1876, т. XX, с. 107–117; Кочубинский А. А.: *Отчет в занятиях славянскими наречиями командированного за границу доц. Новорос. университета А. Кочубинского за время вот 1 августа 1874 г. по 1 февраля 1875 г.* In: *ЗИНУ*, Одесса 1876, т. XVIII, с. 191–266.

²⁷ *Обозрение... в 1903–1904 гг.* – Одесса 1903, с. 12.

Чехии А. Кочубинский исследовал религиозное течение «Общину Чешских братьев», чешское национальное возрождение (в рамках этой темы он проанализировал творчество Й. Шафарика, Й. Добровского, В. Ганки, Ф. Палацкого). В 1873 г. он издал в Одессе исследование общины чешских братьев, которое нужно считать самой обстоятельной научной историко-чешсковедческой работой, из изданных в Одессе.²⁸ Самым большим вкладом историка в исследование истории славистики была монография «*Начальные годы русского славяноведения*», где впервые был освещен генезис этой области науки в Российской империи, прежде всего деятельность «румянцевского кружка», связей российских и западнославянских славистов.²⁹ По наблюдению ученика профессора С. Кульбакина, в «*Начальных годах*» А. Кочубинский «ни на минуту не упускает из вида органической связи характеризуемых им явлений с чешской наукой».³⁰ Уже в конце жизни А. Кочубинский издал в столичном журнале самую обстоятельную среди одесских авторов статью о П. И. Шафарике.³¹ Большой отпечаток на славистические студии О. Кочубинского наложили его славянофильские, в частности, антикатолические взгляды, хотя для чехов, интеллигенция которых имела тесные и чаще всего благосклонные отношения с российской, он делал исключение, вместо того перенося весь вес ненависти на поляков. На смерть одесского профессора откликнулись руководящие чешские научные издания.³² Учениками профессора были В. Мочульский, М. Попруженко, С. Кульбакин, Е. Будде и другие. Хотя известный филолог С. Кульбакин отметил на научной славяноведческой ниве работами по языковедению, в начале XX ст. он сделал достоянием гласности в столичной газете статью на историческую тему – рецензию на произведение В. Францева о чешском национальном возрождении и чешско-российских научных связях в конце XVIII – первой половины XIX ст.³³ Автор подверг острой критике В. Францева за игнорирование внутренних явлений упомянутых им событий, прежде всего чешское возрождение. В качестве примера он приводил необходимость более глубокого анализа деятельности П. Й. Шафарика, «*Славянские старобытности*» которого «с удивительной ученостью, с глубиной исследования и гениальной широтой взгляда соединяющих новоромантическую идеализацию древних славян».

Вместе с А. Кочубинским на кафедре славянской филологии НУ в 1898–1900 г. на должности экстраординарного профессора недолго преподавал другой выдающийся славист Петр Алексеевич Лавров (1856–1929). Отдельное место в наследстве П. Лаврова занимают исследования по истории славистики. Историк рассматривал не только факты частной и творческой биографии выдающихся славистов, но и влияние некоторых из них на национальное возрождение своих народов (см. ниже об ИФО).

²⁸ КОЧУБИНСКИЙ, А. А.: *Братья-Подобои и чешские католики в начале 17 века*. [Дис. на степень магистра славян. филологии] – Одесса 1873, [2], XVI, 348 с. (Оттиск из: Записки Имп. Новороссийского университета, 1873, т. 11).

²⁹ КОЧУБИНСКИЙ, А. А.: *Начальные годы русского славяноведения: Адмирал Шишков и канцлер граф Румянцев*. Одесса 1887, [2], X, [2], II, 324, СЛ.

³⁰ КУЛЬБАКИН, С.: Рец. В. А. Францев: *Очерки по истории чешского возрождения*. Русско-Чешские ученые связи конца XVIII и первой поль. XIX ст. Варшава 1902. In: *Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества*, 1903, февраль, с. 35–39.

³¹ КОЧУБИНСКИЙ, А. А.: *П. И. Шафарик* In: *Вестник Европы*, 1906, № 5, с. 105–154; № 6. с. 446–475.

³² ЛАПТЕВА, Л. П.: *История славяноведения в России в XIX веке*. М. 2005, с. 754.

³³ КУЛЬБАКИН, С.: Рец. В. А. Францев: *Очерки по истории чешского возрождения*. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой поль. XIX ст. Варшава, 1902 In: *Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества*, 1903, февраль, с. 35–39.

В начале XX ст. лекционный курс Михаила Георгиевича Попруженко (1866–1943) охватывал историю всех зарубежных славян и историю их литературы, хотя большей частью он сосредоточился на истории южных славян. Вслед за А. Кочубинским он был приверженцем москвоцентричного славянофильства. Такие аморфные категории как «славянское самосознание», «славянская миссия» он считал не фикциями, а научно обоснованными понятиями. Заметим и то, что в названии упомянутого лекционного курса автор использовал характерную для неославянофилов понятие «славянство», которое должно было подчеркнуть относительность существования отдельных славянских народов. Семинар М. Попруженко превратился в наиболее заметную ячейку славистических студий в НУ в 1910-х гг. Отчеты НУ зафиксировали 42 историко-славистических реферата, которые были прочитаны на семинарах профессора в 1909–1915 гг. Из них часть была посвящена чешской истории, например, *П. Хелчицкий* (1914 г.) (автор – со временем известный историк Ф. Петрунь), «*Крещение чехов*» (1915).

На кафедре общей истории некоторые профессора упоминали о чешском народе в общем контексте лекций. Одним из таких преподавателей был учитель Ф. Режабека Ф. Успенский. По наблюдениям А. Готалова-Готлиба, излагая давнюю историю славян, из научной литературы он особенно выделял «*Славянские древности*» П. Й. Шафарика, критикуя его славянофильские увлечения.³⁴ На практических занятиях В. Крусмана в 1909 г. четыре студента прочитали свои рефераты о разных аспектах гуситского движения в Чехии. Одним из этих студентов был со временем известный украинский историк и общественный деятель П. Клепацкий.³⁵ Упомянув о славянском возрождении в своей публицистике, благосклонно о чешском национальном движении высказывался Е. Щепкин.

На кафедре русской истории «чешский след» выразительно прослеживается в преподавательской, научной и общественной деятельности профессоров Алексея Ивановича Маркевича (1847–1903) и Ивана Андреевича Линниченко (1857–1926). В лекциях оба поздравляли чешское национальное возрождение, упоминали о его руководящих деятелях. В 1890–91 гг. А. Маркевич читал курс лекций по истории южных и западных славян. Он считал преждевременной идею о политическом объединении славян в пределах любого политического образования, ведь между славянами существует больше расхождений в политических и культурных ориентациях чем общности. В 1903–1904 гг. И. Линниченко читал курс «История славянских народов XVIII–XIX веков» для желающих и «Историко-Этнографическое обозрение славянских племен». Благосклонно научный работник относился к чешской историографии, характеризуя деятельность П. Й. Шафарика, В. Ганки и др. Он уделял внимание чертам национального характера славянских народов, в частности, у чехов выделял доброту, любовь к родине и т.п.³⁶

Подчеркнуто доброе отношение к чехам у И. Линниченко сформировалось под влиянием юношеских впечатлений: он с теплотой упоминал о добром отношении к себе со стороны домашнего учителя музыки – чеха Галамы.³⁷ В 1888 г. во время архивных студий в Праге он познакомился с выдающимся чешским славистом Л. Нидерле. Важную роль для установления контактов с чешским научным миром играло активное участие

³⁴ ГОТАЛОВ-ГОТЛИБ, А. Г.: *Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель*. In: Византийский временник, т. 1, 1947, с. 114–126.

³⁵ *Отчет в состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1909 ч.* Одесса 1910, с. 58–59.

³⁶ ДАОО. – Ф. 153. – Оп. 1. – Спр. 166.

³⁷ Государственный архив при Совету министров Автономной республики Крым, Ф. 538, оп. 1, спр. 61.

И. Линниченко в работе археологических съездов. Наиболее благоприятным для налаживания новых и поддержки старых контактов был XI съезд, который состоялся в 1899 г. в Киеве при самом широком представительстве научных работников из славянских стран. В ходе работы съезда состоялся торжественный обед, на котором члены съезда поздравляли своих западных и южно-славянских коллег. Среди них были Я. Челяковский, О. Пич из Чешской АН, Л. Нидерле и Й. Поливка из Пражского университета. В 1918 г. в статье *Привет Чехам*, опубликованной по поводу образования Чешского государства, И. Линниченко возвышенно приветствовал это событие, отметив, что, по его мнению, чехи достигли необходимой степени культурного развития.³⁸ С 1911 г. коллегой И. Линниченко по кафедре русской истории стал его воспитанник Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968), который на тот момент не уделял внимания истории Чехии, но в эмиграции, преподавая в Карловом университете, превратился в одного из ведущих исследователей истории связей чехов с восточнославянскими народами. В последние годы существования заведения лекции по истории славян в НУ читал выдающийся славист А. Погодин.

Влияние профессуры НУ выходило за границы университета. В первую очередь речь идет об открытых в 1906 г. Одесских высших женских курсах. Чеховедческие сюжеты здесь связаны с именами М. Попруженко и В. Крусмана. В частности, в 1917–1918 годах М. Попруженко прочитал курс истории западных славян.³⁹ Для зачетной работы по курсу новой истории В. Крусман предлагал тему «Ян Гус на Констанцком соборе по хронике Генриха Рифенталья». Курс по истории славян М. Попруженко читал в Одесском Народном университете в 1917–1918 гг.

Отдельным историко-чеховедческим сюжетам были посвящены доклады в Одесском славянском обществе Кирилла и Мефодия и ИФТ. В первом из них можно отметить лишь деятельность А. Маркевича. В докладе о связях Одессы со славянами, он предположил присутствие чехов среди первых поселенцев Одессы в конце XVIII ст., упомянул о связях чешских и одесских научных работников.⁴⁰ В речи посвященной П. Й. Шафарику он провел прямую параллель между взглядами чешского ученого и программой украинского Кирилло-мефодиевского братства.⁴¹ В 1888 г. А. Маркевич выступил с инициативой перед министерством образования об учреждении Общеславянской Академии наук с центром в Киеве с целью создания научной основы для идеи славянского единения.⁴²

Членами самого старого исторического общества Одессы Одесского общества истории и древностей (ООИД) были избраны выдающиеся чешские историки и филологи В. Ганка (1861), П. И. Шафарик (1861), Л. Нидерле (1900). Однако это членство оказалось лишь номинальным. В деятельности других членов ООИД чешские сюжеты не прослеживаются.

Наиболее выразительно такие сюжеты отразились в деятельности уже упомянутого ИФО. В первую очередь нужно упомянуть о докладах ряда членов общества на его заседаниях: 16 марта 1892 г. на публичном заседании, посвященном памяти Я. А. Коменского по случаю 300-летия со дня его рождения речи произнесли А. Кочубинский о месте мыслителя в истории чешского народа и М. Попруженко – о педагогической

³⁸ ЛИННИЧЕНКО, И. А.: *Привет чехам*. In: Одесский листок, 1918, 15 декабря.

³⁹ ДАОО, Ф. 334, оп. 3, спр. 7539.

⁴⁰ МАРКЕВИЧ, А. И.: *Одесса и славянство: Речь, сказ. в торжеств. засед. 11 мая 1894 г.* In: Отчет правления ОСБО за 1894 г. Одесса 1895, с. 73–87.

⁴¹ МАРКЕВИЧ, А. И.: *Памяти П. Шафарика*. In: Отчет правления Одесского Славянского благотворительного общества Сбытчик. Кирилла и Мефодия за 1895 г. Одесса 1896, с. 83–85.

⁴² МАРКЕВИЧ, А. И.: *Записка в правление*. In: Отчет правления Одесского Славянского благотворительного общества Сбытчик. Кирилла и Мефодия за 1888 г. Одесса 1889, с. 45–48.

деятельности. Оба доклада были опубликованы брошюрами. 2 мая 1895 г. А. Кочубинский прочитал доклад на тему Последняя служба Шафарика России. 1 декабря 1898 г. П. Лавров прочитал доклад «Об ученой и политической деятельности чешского историографа Франца Палацкога», который завершил такими словами: «Оставаясь верными заветам Палацкога чехи могут смело верить в лучшую будущность своей родины, скорейшее наступление которой вполне естественно пожелать им всякому славянину.»⁴³ Он же доложил о новых работах чешского историка Й. Махала о Краледворской и Зеленогорской рукописи. По мнению П. Лаврова, несмотря на то, что эти памятники оказались фальсификациями, они играли положительную роль в чешском возрождении.⁴⁴ С Чехией ИФО было связано не только по тематике части своей деятельности, но и непосредственно. В сентябре 1897 г. на предложение Библиотеки Музея Королевства Чешского в Праге правление ИФО наладило с ним обмен изданиями. В библиотеку общества также поступали журналы *Časopis Společnosti přátel starožitností* и *Český lid*.

Итак, хотя Одесса не принадлежала к руководящим центрам чешско-восточнославянских связей, в частности, чешско-украинских, благодаря деятельности ряда профессоров НУ, прежде всего А. Кочубинского была создана традиция исторического чеховедения. Наиболее выразительно прослеживается традиция изучения истоков формирования чешской культуры и процесса чешского национального возрождения, главным образом, сквозь личности его проводников Я. Гуса, Я. А. Коменского, П.–Й. Шафарика, Ф. Палацкога и др. Несколько слабее прослеживаются прямые связи между одесскими и чешскими историками. Определенным символом присутствия чешского фактора в истории и историографии Одессы было обитание и работа в городе историка Ф. Режабека. И хотя ему не удалось достичь уровня историка первого плана, он сделал разнообразным и без того яркую палитру историографического пространства Одессы.

Shrnutí

Čechy a Češi v historiografii Oděsy (druhá polovina 19. století – první desetiletí 20. století)

Ústředním tématem studie je role Čechů v oděské historiografii. Především je zvažován přínos řady novorossijských univerzitních profesorů k výuce a výzkumu českých dějin. Pozornost je věnována také činnosti českého historika Františka Řežabka v jeho oděském období.

⁴³ Летопись Историко-Филологического общества при Императорском Новороссийском университете, 1899, т. VII, с. 23–25.

⁴⁴ Летопись Историко-Филологического общества при Императорском Новороссийском университете, 1900, т. VIII, с. 26.